І. А. Ртищевъ.

Кто изъ насъ буржуй?

ГИ25
Р 836

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЛЯ“
Москва, Б. Дмитровка, д. 26.

ГИ25
Р 836

И. А. Ртищевъ.

Кто изъ насъ буржуй?

Издательство „ВОЛЯ".
Москва, Б. Дмитровка, 26.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГП25
Р836Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
98127

При старомъ, царскомъ режимѣ государственными преступниками называли тѣхъ людей, которые шли противъ царя.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ одинъ изъ этихъ «государственныхъ преступниковъ», когда его арестовали и потомъ привели на судъ, сказалъ судьямъ:

— Если вы знакомы съ христіанскимъ ученіемъ, то вы должны признать, что мы, соціалисты, проповѣдуемъ то же, что проповѣдывалъ Спаситель. Какъ же вы можете судить меня?

Для «государственныхъ преступниковъ» судъ въ тѣ времена былъ неправый и немилостивый. Оправданныхъ почти никогда не было. А если кого судъ и оправдывалъ, то все равно такого человѣка административнымъ порядкомъ ссылали въ Сибирь.

«Преступника», про котораго сейчасъ я разсказалъ, что онъ напомнилъ судьямъ о Спасителѣ, присудили къ смертной казни.

Я тоже хочу здѣсь напомнить вамъ о Спасителѣ. Будете ли вы меня судить за это? Судите, пожалуй. Но, прежде чѣмъ осудить, подумайте вотъ о чемъ: Спасителя распяли на крестѣ за его проповѣдь, за то, что онъ «смущалъ» народъ своими притчами. Я же какъ-разъ хочу привести вамъ на память одну изъ его притчей.

Вотъ эта притча. Я выписываю ее буквально, какъ она напечатана въ Евангеліи (Матѳ., 14, 24—30).

«Царство небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ ме

жду пшеницею плевелы и ушелъ; когда взошла зелень и показался плодъ, тогда явились плевелы. Пришедши же рабы къ домовладыкѣ, сказали ему: «Господинъ, не доброе ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ твоемъ? Откуда же на немъ плевелы?» Онъ же сказалъ имъ: «Врагъ человѣка сдѣлалъ это». А рабы сказали: «Хочешь ли, мы пойдемъ выберемъ ихъ?». Но онъ сказалъ: «Нѣтъ, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пшеницы, оставьте расти то и другое до жатвы».

Примѣнимъ эту притчу къ нашему времени.

Развѣ не толкуемъ мы сейчасъ о плевелахъ и о пшеницѣ?

Кто же плевелы и кто пшеница?

Но вѣдь всѣмъ давно уже извѣстно, что пшеница—пролетаріатъ, то-есть рабочіе классы, а плевелы—буржуазія.

Ради пролетаріата «государственные преступники» при старомъ режимѣ шли на смерть и на казнь.

Ради пролетаріата они гнили на каторгѣ, умирали отъ истощенія и болѣзней на пути въ ссылку и ради него же, пролетаріата, отдавали себя на растерзаніе ему же, пролетаріату. Бывало и это. Бывало, что «пропагандистовъ», являвшихся на фабрики и заводы, сами фабричные и заводскіе рабочіе избивали до полусмерти и окровавленныхъ потомъ передавали въ руки полиціи.

Объ этомъ спросите у соціалистовъ, которымъ сейчасъ лѣтъ пятьдесятъ—шестьдесятъ. Они могутъ многое разсказать.

Я не причисляю себя къ этимъ первымъ вѣстникамъ соціалистическихъ ученій въ Россіи. Я, можетъ быть, недостоинъ развязать ремня у обуви ихъ. Но что я знаю, то знаю. Я знаю, что они были истинные мученики и герои.

И нашъ пролетаріатъ, и наше крестьянство въ то время, знаете, какъ думали про царя и правительство?

И пролетаріатъ, и крестьянство думали тогда, что царь есть нашъ земной богъ, а правительство—въ родѣ духа святого, отъ бога исходящаго. И нельзя поносить, ни царя, ни правительство. И нельзя имъ не повиноваться. Несомнѣнно были и исключенія. Были и въ крестьянствѣ, и среди пролетаріата люди, сомнѣвавшіеся въ правѣ царя казнить и миловать, кого онъ хочетъ. Но такихъ было одинъ на тысячи.

Изъ какихъ же, значитъ, классовъ выходили больше всего наши первые русскіе соціалисты, если тогда и пролетаріатъ, и крестьянство стояли горой за царя? Вѣдь что было, то было и того не отнимешь. Именно съ умиленіемъ и со слезами на глазахъ тогда простой народъ и встрѣчалъ, и провожалъ царя съ царятами и съ царицей. Объ этомъ, опять вамъ скажу, спросите старыхъ людей. Они, люди, помнятъ.

И вотъ, я еще разъ спрашиваю: «ежели тогда рабочій и крестьянинъ горой стояли за царя, а борьба съ царизмомъ все-таки велась, то кто же были эти борцы?»

Просмотрите старыя дѣла о политическихъ преступленіяхъ. Есть архивы при судахъ. Вотъ въ этихъ архивахъ и поройтесь. Тамъ между прочимъ вы найдете и приговоры о государственныхъ преступникахъ съ указаніемъ ихъ званія и рода занятій. Больше всего среди этихъ государственныхъ преступниковъ дворянъ. Поближе къ нашему времени среди дворянъ начинаютъ попадаться разночинцы, духовные и изъ купеческаго званія. И уже совсѣмъ послѣдними, совсѣмъ недалеко отъ насъ, идутъ крестьяне и рабочіе.

Почему такъ вышло, понятно само собой. Иначе быть и не могло.

Недаромъ сказано: «Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма». У насъ въ Россіи ученье шло сверху, —съ привилегированныхъ сословій. Образованными сначала у насъ были только дворяне. Образованность свою они получили отъ иностранцевъ и отъ иностранцевъ же переняли понятія о рес-

публиканскомъ строѣ и затѣмъ о соціализмѣ.

Первыми поэтому они и выступили противъ царя.

Въ каждомъ сословіи есть и хорошіе, и дурные люди. Нельзя одно сословіе высоко ставить, а другое унижать.

Примѣръ тому хотя бы тѣ же дворяне. Мало ли гнусностей дѣлали они противъ крестьянства? А вѣдь вотъ не нашлись между ними герои и мученики во имя того же крестьянства. Изъ пѣсни слова не выкинешь. Именно первые, кто поднялся противъ царя за народное дѣло, были дворяне.

Было бы несправедливо восхвалять дворянское сословіе все цѣликомъ потому только, что среди нихъ оказались люди способные на подвигъ. И гнусно тоже было бы поносить и унижать крестьянство, только потому, напримѣръ, что Григорій Распутинъ былъ крестьянинъ.

У насъ теперь словомъ «буржуй» бросаются направо и налѣво.

Выходитъ такъ, будто «буржуи» вдругъ повылѣзли откуда-то сотнями и тысячами и облѣпили насъ какъ клопы на постояломъ дворѣ.

Въ городахъ вмѣсто «буржуй» говорятъ еще «котелки», то-есть люди, которые носятъ шляпы особаго фасона. Это прозвище «котелки» не сейчасъ только появилось. Оно было извѣстно и при старомъ правительствѣ. Но тогда «котелками» называли интеллигенцію, образованныхъ людей.

Еще не такъ давно, какихъ-нибудь десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, полиція нанимала по цѣлковому, а то и дешевле, разныхъ оборванцевъ-пропоицъ, напаивала ихъ водкой, раздавала имъ резиновыя палки и револьверы и заставляла избивать на улицахъ студентовъ и интеллигенцію.

Пропойцы съ царскими портретами толпами ходили по городу и пѣли царскій гимнъ. Когда навстрѣчу имъ попадался студентъ или «котелокъ», они кричали:

— Котелокъ! Шляпу долой!

Или:

— «Студентъ, снимай картузъ!»

Развѣ не было этого?

А что было, если «котелокъ» или студентъ отказывались обнажить голову? Съ такими не церемонились: накидывались на нихъ съ резинами, либо пристрѣливали.

Да, поди, вы и сами это хорошо помните, если вамъ случалось въ тѣ времена живать въ городѣ.

Вспомните, обходилась ли хоть одна изъ этихъ «патріотическихъ» демонстрацій съ царскими портретами безъ избіеній?

А избивали кого?

Избивали вотъ именно чистую публику.

Для нея, для этой чистой публики, и было придумано это прозваніе «котелки».

Теперь, вмѣсто «котелокъ» говорятъ «буржуй», но не забыли еще и «котелокъ». На митингахъ одни ораторы призываютъ сократить буржуевъ, а другіе—сократить «котелковъ».

А публика что дѣлаетъ? Публика пока только слушаетъ, щелкаетъ сѣмячки и шелуху, старается выплюнуть прямо въ лицо сосѣду, если этотъ сосѣдъ не въ картузѣ, а въ шляпѣ.

Въ каждомъ «котелкѣ» публика видитъ уже буржуя.

Скажите мнѣ, пожалуйста, что если бы теперь нашелся какой-нибудь проходимецъ, и были бы у этого проходимца деньги, и нанялъ бы онъ опять, какъ въ прежнее время, разныхъ пропоицъ-оборванцевъ и отдалъ бы имъ такой наказъ:

— Идите и избивайте чистую публику.

Да не царскій портретъ далъ бы имъ въ руки, а красное знамя?

Что бы изъ всего этого вышло? Или сейчасъ ханжи негдѣ достать, или обѣднѣли мы золоторотцами?

Вѣдь пропоицѣ какому-нибудь все одно: съ царскимъ ли онъ портретомъ пойдетъ, или съ краснымъ знаменемъ.

Избивать же чистую публику для него дѣло знакомое.

Или, по-вашему, можетъ, теперь этого продѣлать нельзя? А почему?

Вѣдь на лбу у него, у оборванца, не написано, кто онъ такой: соціалистъ или проходимецъ.

Пока дѣло разберется, проходимцы успѣютъ натворить такихъ чудесъ, какія, можетъ быть, и старому царскому режиму никогда не снились.

Или, по-вашему, мы съ тѣхъ поръ, какъ согнали царя, стали образованнѣе, чѣмъ были раньше? Ученѣе стали? Грамотнѣе, начитаннѣе? Можетъ, насъ теперь на мякинѣ не проведешь?

Такъ вѣдь эта-то пословица, что на мякинѣ не проведешь, сказана про стараго воробья. А намъ когда было время постарѣть? Не со вчерашняго ли дня?

Когда ораторы на митингахъ призываютъ «сократить буржуевъ», мнѣ всегда вспоминается евангельская притча о пшеницѣ и плевелахъ.

Пусть пролетаріатъ будетъ пшеница. Пусть буржуазія будетъ плевелы.

Ну, а вотъ люди, убившіе Григорія Распутина,—кто они: пшеница или плевелы?

И по своему происхожденію, своему званію и по виду эти люди несомнѣнные буржуи. Должно быть, они тоже и шляпы-котелокъ когда-нибудь носили.

И вотъ, представьте себѣ, пришли бы къ вамъ, какъ въ Христовой притчѣ, рабы и сказали бы:

— Не доброе ли сѣмя ты сѣялъ на полѣ твоемъ? Откуда же на немъ плевелы?.. Хочешь, мы пойдемъ выберемъ ихъ?

И не были бы вы разумны, какъ былъ разуменъ посѣявшій пшеницу въ притчѣ, и отвѣтили бы рабамъ:

— Не дожидайтесь, пока созрѣютъ плевелы и пшеница, и можно будетъ отличить пшеницу отъ плевелъ, идите, выройте плевелы.

И рабы уничтожили вмѣстѣ съ подлинными плевелами заодно ужъ и людей, задумавшихъ доброе дѣло: избавить Россію отъ Распутина.

Что скажете вы мнѣ на это?

Думаю, что скажете такъ:

—, Мы Распутина потомъ сами убрали бы.

Но, видите ли, это еще неизвѣстно, удалось бы намъ его убрать или нѣтъ. Можетъ, онъ самъ убрался бы по добру, по здорову, вмѣстѣ съ царемъ и съ царицей къ Вильгельму подъ крылышко. Да и вообще, какъ можно говорить о томъ, что могло бы быть и что быть не могло? Будущее кто знаетъ?

Напримѣръ, знаете ли вы, что будетъ съ нами черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ?

Такъ же и это. Одно только можно сказать, что если бы вы того «котелка», который убилъ Распутина, раньше времени выдернули бы, то и все остальное у насъ пошло бы какъ-нибудь по-иному.

Но какъ пошло бы, мы этого не знаемъ и знать не можемъ.

Что до меня касается, то я по чистой совѣсти могу сказать:—никакъ нельзя назвать «плевелами» людей, убившихъ проходимца Распутина.

А еще вотъ что скажу:—почему это вы знаете, что и сейчасъ среди «котелковъ» не осталось больше людей, подобныхъ тому, который застрѣлилъ Распутина?

Какъ же это, стало быть, станемъ мы выдергивать огуломъ всѣ «плевелы», сокрушать всѣхъ котелковъ?

Да и въ состояніи ли мы это сдѣлать?

Кто, напримѣръ, мнѣ закажетъ вмѣсто котелка надѣть картузъ? Какъ тогда станемъ мы выуживать «котелковъ»? По лицу, что ли? По рѣчи?

То-то вотъ и дѣло, что мы привыкли встрѣчать по одежѣ, а провожать по уму. Ну, а если по одежѣ-то мы встрѣтимъ кольями и дубьемъ, да такъ встрѣтимъ, что провожать ужъ будемъ на кладбище. А потомъ и окажется, что прово-

дили мы на кладбище того, кому слѣдовало бы очень и очень пожить?

Нѣтъ, по-моему, лучше, чѣмъ плеваться подсолнышками налѣво и направо, давайте разберемся толкомъ, кто изъ насъ буржуй дѣйствительно, и кто не буржуй.

Для примѣра я начну вотъ съ чего.

Скажите мнѣ, что, по-вашему, Николай Угодникъ буржуй былъ или нѣтъ?

Православной церковью Николай Угодникъ причисленъ къ лику святыхъ. Но его считаютъ святымъ также и католики, и мусульмане. Онъ, такъ сказать, интернаціональный святой.

Или, можетъ, вы думаете, это все враки, что написано про него у насъ, православныхъ, или у католиковъ?

Пусть будетъ по-вашему. Скажу даже больше: пусть никогда и никакого Николая Угодника не было. Я и на это согласенъ. Есть же у насъ разныя повѣсти, сочиненныя разными писателями. Пусть и житіе Николая Угодника тоже кѣмъ-нибудь сочинено, выдумано.

Вотъ мы и давайте разбирать этого выдуманнаго человѣка,—буржуй онъ или нѣтъ.

Или вы скажете:

— Такого человѣка даже и быть не можетъ.

А почему бы такъ? Я вѣдь не о чудесахъ его собираюсь говорить. Я беру его безъ чудесъ. Хотя, видите ли, современная наука на многія изъ чудесъ смотритъ гораздо проще, чѣмъ мы съ вами. Мы, напримѣръ, твердо увѣрены, что если кто-нибудь скажетъ параличному: «ходи» и параличный пойдетъ, то это будетъ чудо. Не такъ ли? Ну, а вотъ, представьте себѣ, что дѣйствительно паралича можно привести въ такое состояніе, что на нѣкоторое время онъ получитъ возможность передвигаться. Правда, что ходить онъ будетъ, какъ лунатикъ съ закрытыми глазами, и когда очнется, опять сдѣлается разслабленнымъ.

Но, согласитесь, развѣ это не похоже было

бы на чудо, если бы параличный, хоть и съ закрытыми глазами, хоть и сонный, какъ лунатикъ, вдругъ по вашему слову всталъ бы съ кровати и пошелъ?

Но мы покамѣстъ объ этомъ оставимъ.

Ибо, почему я знаю: можетъ, вы не только противъ чудесъ, но даже и противъ науки?

Можетъ, вы ужъ напередъ рѣшили, что вы «пшеница», а все остальное—плевелы. Я согласенъ и на это. Но вѣдь пшеница, какъ это каждому крестьянину извѣстно, бываетъ разныхъ сортовъ. Вотъ и предположимъ, что вы пшеница одного сорта, а я другого сорта.

Значитъ, можемъ мы съ вами бесѣдовать? Или опять нѣтъ? Такъ, значитъ, во всемъ мірѣ только и должна произрастать пшеница только одного какого-нибудь узаконеннаго сорта. Но здѣсь вы ужъ безспорно заблуждаетесь. Про это тоже спросите любого крестьянина: можно ли, чтобы во всемъ мірѣ росла пшеница только одного сорта? Никакъ нельзя. Потому что, напримѣръ, въ Сибири ни за что не вызрѣетъ та, которая растетъ въ Херсонской губерніи.

Итакъ, значитъ, будемъ разсуждать про Николая Угодника: буржуй онъ или нѣтъ. Чудеса оставимъ въ сторонѣ.

Такъ какъ мы согласились уже считать, что Николай Угодникъ есть какъ бы лицо вымышленное, то, значитъ, я имѣю право спросить:

— Съ лица и по одеждѣ, какъ пишутъ Николая Угодника на иконахъ, похожъ онъ на буржуя или нѣтъ?

Вотъ подойдите къ иконѣ и поглядите. Поди, она у васъ есть, эта икона. А ежели у васъ нѣтъ, то, можетъ, есть у сосѣдей. Поглядите.

По одеждѣ, онъ, ясное дѣло, изъ духовнаго званія.

А по лицу? Выплюнули бы вы ему въ бороду подсолнышки, если бы онъ надѣлъ котелокъ и пришелъ бы на митингъ?

Лицо у него, по-моему, самое обыкновенное.

Такія лица бываютъ у старообрядцевъ строгой жизни, у «правильныхъ старичковъ» изъ крестьянъ, да тоже, пожалуй, и у «правильныхъ» деревенскихъ духовныхъ.

Такъ вѣдь это по-моему. А по-вашему? Ну, представьте себѣ, что нѣтъ на немъ ни ризы, ни сіянія вокругъ головы. А надѣтъ на головѣ котелокъ.

Тогда онъ, пожалуй, сдѣлался бы похожъ на какого-нибудь этакого старозавѣтнаго чиновника, съ виду очень добраго и ласковаго, а въ самомъ себѣ, можетъ, весьма и весьма прижимистаго.

Неправда ли?

Или вы думаете наоборотъ? Но если наоборотъ, тогда для чего онъ въ котелкѣ?

И вотъ взяли бы вы, ну, хоть не съмячко въ бороду ему выплюнули бы, а такъ только обозвали бы презрительно буржуемъ.

А потомъ и оказалось бы, что буржуй этотъ не кто другой, какъ Николай Угодникъ.

Конечно, я не о грѣхѣ говорю. Разъ рѣшено, что вы пшеница, то какой ужъ тутъ можетъ быть разговоръ о грѣхѣ? Но, видите ли, въ чемъ дѣло: иногда и въ пшеницу попадаетъ кукельванъ. Можетъ, и въ васъ откуда-нибудь со стороны попалъ этотъ кукельванъ. И потомъ вѣдь сказано: «единъ Богъ безъ грѣха». Чтобы не спорить, однако, я этотъ вашъ кукельванъ назову не грѣхомъ, а заблужденіемъ.

Заблуждаться каждый можетъ. Даже вонъ ученики Христовы долгое время заблуждались насчетъ Іуды. Тоже и вы.

Такъ или этакъ, однимъ словомъ, Николая Угодника вы обозвали буржуемъ.

По-вашему, значитъ, онъ — буржуй, а вотъ всѣ остальные люди во всемъ мірѣ считаютъ его добродѣтельнымъ человѣкомъ. Но это еще не такъ важно. И Спасителя въ свое время считали смутьяномъ, и тоже и про него думали, что онъ заблуждается. А потомъ вышло какъ-разъ наоборотъ. Оказалось, что именно заблуждался весь

міръ, и только Спаситель одинъ могъ указать міру, какъ слѣдуетъ жить, чтобы не заблуждаться.

Можно, слѣдовательно, предположить, что и насчетъ Николая Угодника весь міръ заблуждается, а вы не заблуждаетесь и называете его съ полнымъ основаніемъ буржуемъ.

Но представьте себѣ, что идете вы, напримѣръ, по улицѣ, и онъ вамъ навстрѣчу. То-есть, Николай Угодникъ. И на немъ—ряза, и въ рукѣ мѣшокъ съ золотомъ.

Мѣшокъ съ золотомъ—это вѣдь, пожалуй, много серьезнѣе, чѣмъ котелокъ.

Кто же онъ, значитъ, этотъ человѣкъ въ поповскомъ одѣяніи, несущій мѣшокъ съ золотомъ? Да еще не идетъ онъ, какъ ходятъ всѣ добрые люди, а крадется. И видно сразу, что боится, какъ бы кому не попасться на глаза.

Что вы про него подумали бы?

Переряженный буржуй? Или, и того хуже, переодѣтый грабитель?

При этомъ долженъ замѣтить, что я тутъ своего ничего не выдумываю: именно, такой случай былъ въ жизни Николая Угодника, что онъ шелъ ночью по улицѣ, крадучись какъ воръ. И въ рукѣ у него именно былъ мѣшокъ съ золотомъ.

И даже не одинъ разъ съ нимъ это было, а нѣсколько разъ.

Вы сейчасъ скажете:

— На какомъ основаніи?

А вотъ на какомъ: въ томъ городѣ, гдѣ жилъ Николай Угодникъ, было много бѣдноты. Ночью, чтобы никто не видѣлъ, Николай Угодникъ подбрасывалъ этой бѣднотѣ въ окна деньги. Для чего ему это нужно было дѣлать тайно?

А вѣдь въ евангеліи же сказано: «если дѣлаешь добро, то дѣлай такъ, чтобы лѣвая твоя рука не знала, что дѣлаетъ правая».

Вотъ для чего.

Теперь опять спрашиваю:

— Что онъ, буржуй или нѣтъ?

— Буржуй,—отвѣтите вы,—и даже хуже, чѣмъ

буржуй, такъ какъ подкидывалъ деньги бѣднякамъ цѣлыми мѣшками и тѣмъ расположилъ капиталистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не буржуй ли онъ, дѣйствительно?

Разъ онъ имѣлъ возможность бросаться крупными суммами, то, ясное дѣло, и самъ долженъ былъ быть достаточно крупнымъ капиталистомъ.

Извѣстно, кромѣ того, что никакого ремесла онъ не зналъ, стало быть, жилъ только на капиталъ.

Но вѣдь ежели такъ разбирать, то выйдетъ, что величайшій безсребренникъ въ мірѣ, какого только можно себѣ представить, тоже жилъ на капиталъ.

Вы думаете, про кого я говорю?

Про Спасителя. Развѣ, дѣйствительно, не на капиталъ онъ жилъ? Правда, онъ, вѣроятно, зналъ плотничье ремесло. Но изъ евангелія не видно, чтобы этимъ ремесломъ онъ занимался. Между тѣмъ, тамъ же, въ евангеліи, имѣются указанія, что одинъ изъ его учениковъ, Іуда, былъ казначеемъ.

Откуда у Іуды были деньги, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что Спаситель существовалъ на эти, хранившіяся у Іуды деньги, не занимаясь лично никакимъ физическимъ трудомъ.

По крайней мѣрѣ о такомъ трудѣ нигдѣ въ евангеліи не сказано. Предполагать можно что угодно. Можно предполагать, напримѣръ, что суммы, которыя имѣлъ при себѣ Іуда, составлялись путемъ пожертвованій. Но ничего достовѣрнаго объ этомъ неизвѣстно. Извѣстно только одно: деньги были и находились у Іуды.

Выходитъ, значитъ, что же? Выходитъ, что и Спаситель буржуй. Такъ, что ли?

Вѣдь, по-вашему, кто есть буржуй? Буржуй тотъ, кто живетъ на капиталъ, а самъ не работаетъ.

Конечно, Спаситель занимался проповѣдью. Но

вѣдь именно за эту проповѣдь никто другой, какъ самъ народъ, осудилъ его на казнь. Стало быть, по мнѣнію тогдашняго еврейскаго народа, Спаситель заслуживалъ казни, стало быть, проповѣдь его признавалась вредной.

Конечно, потомъ эта Христова проповѣдь была признана во всемъ мірѣ величайшей истиной. Но почему вы знаете, что проповѣдь какого-нибудь нынѣшняго оратора, который никому изъ насъ не угоденъ, не будетъ тоже потомъ признана истиной? То-то и дѣло, что на этотъ вопросъ вы не можете отвѣтить по совѣсти ни «да», ни «нѣтъ».

Проповѣдь вѣдь не сапоги. Сапоги знающій человѣкъ сразу пойметъ, хороши они, или нѣтъ. Хорошимъ сапогамъ одна цѣна, плохимъ—другая.

Достоинство же проповѣди познается по прошествіи иногда многихъ и многихъ лѣтъ. Примѣръ тому, опять-таки скажу, та же Христова проповѣдь.

Перенесите себя въ его время. Представьте себѣ, что вы живете въ Іерусалимѣ во дни Спасителя, и мыслите не хуже и не лучше тѣхъ іерусалимскихъ гражданъ, которые потребовали отъ Пилата его казни.

Развѣ согласились бы вы за всѣ его проповѣди заплатить хоть грошъ?

Когда буржуй занимается гимнастикой, онъ вѣдь тоже трудится, но развѣ такой трудъ, никому ненужный, долженъ кѣмъ-либо оплачиваться?

То же и проповѣдь. Если проповѣдь признана не только ненужной, но и вредной, а самъ проповѣдникъ имѣетъ какія-то средства, какія-то деньги и на эти деньги существуетъ, то, значитъ, такой человѣкъ есть тунеядецъ, значитъ, онъ—буржуй.

Вѣдь такъ по-вашему?

Должно быть, что такъ. Тутъ ужъ, знаете, дѣло совсѣмъ даже и не въ котелкѣ, не въ одеждѣ, и не въ томъ, что съ лица и по рѣчи такой-то человѣкъ похожъ или не похожъ на буржуя.

Тутъ вы ужъ, такъ сказать, подбираетесь къ самой душѣ. Хотите быть командиромъ чужой совѣсти не хуже евангельскихъ книжниковъ и фарисеевъ.

А по какому праву?

Именно, вотъ по праву книжниковъ и фарисеевъ.

Ибо, не мытарь вы, который стоитъ въ сторонкѣ и шепчетъ:

— Милостивъ, Боже, буди мнѣ, грѣшному.

Нѣтъ, вы хотите быть на виду, на первомъ мѣстѣ, чтобы во всеуслышаніе говорить:

— Я не могу заблуждаться, ибо я праведникъ, ибо я доброе сѣмя, я пшеница, все же остальное — плевелы.

Развѣ не такъ?

И если проповѣдь какого-нибудь гражданина вамъ не нравится, вы говорите:

— Человѣкъ этотъ безполезный, онъ даромъ ѣстъ хлѣбъ.

А если видите, что человѣкъ этотъ имѣетъ деньги, то заявляете:

— Онъ буржуй.

Но, чтобы говорить такъ, нужно быть дѣйствительно пшеницей, а не плевелами.

Я съ вами согласенъ: пусть вы пшеница. Но можете ли вы сказать мнѣ по совѣсти, что вы пшеница уже созрѣвшая?

Я говорилъ выше объ одномъ нашемъ русскомъ соціалистѣ, который на судѣ заявилъ:

— Мы, соціалисты, идемъ по стопамъ Христа.

Въ правѣ ли вы теперь сдѣлать такое заявленіе?

Нѣтъ, не въ правѣ.

То-есть, вы, можетъ быть, и заявите это съ очень спокойной совѣстью, но вѣдь мало ли кто и въ какой нарядъ нарядится.

Одного заявленія мало.

Нужны дѣла. А ваши дѣла каковы?

Революцію-то вѣдь не вы сдѣлали. Революцію сдѣлали петроградскіе солдаты и рабочіе. А вы

пришли ужъ на готовое. Кто-то крикнулъ: «котелки—наши враги», а вы это подхватили. Кто-то сказалъ: «мы есть пшеница»,—вы подхватили тоже и это. Можетъ быть, вы даже и въ партію записались. А вѣдь поглядѣть со стороны, вы какъ-будто вмѣстѣ съ тѣмъ и самая подлинная опора царя и отечества. Только красный бантикъ снять.

Десятки а, можетъ быть, и сотни людей, терпѣвшихъ разныя гоненія отъ прежняго царскаго правительства, объявлены у насъ на подозрѣніи.

И тоже, какъ при царскомъ правительствѣ, взята на подозрѣніе вся такъ-называемая «чистая публика».

И даже кличка этой «чистой публикѣ» дана такая же, какъ была ей дана прежними охранниками и городовыми.

Я самъ соціалистъ. Но, какъ я уже сказалъ, я не считаю себя достойнымъ ремень развязывать у обуви тѣхъ соціалистовъ, красное знамя которыхъ была ихъ кровь, пролитая на эшафотахъ.

Вамъ же я вотъ что скажу:—Христосъ никогда не былъ жандармомъ чужой совѣсти.

Только идя этимъ путемъ,—путемъ насилія надъ совѣстью,—можно дѣйствительно въ концѣ концовъ договориться до того, что и Христосъ у васъ окажется «котелкомъ».

Да, пожалуй, вы уже и пришли къ этому. Развѣ не вмѣшиваетесь вы въ дѣла церковныя? Что великое Христово ученіе находится у насъ въ недостойныхъ рукахъ,—этого кто же не знаетъ?

Попы наши ужъ никакъ про себя не могутъ сказать, что они живутъ по заповѣдямъ евангельскимъ. Ибо, развѣ мало среди нихъ обманщиковъ, мздоимцевъ, стяжателей, прелюбодѣевъ?

Но развѣ евангеліе перестало быть евангеліемъ отъ того, что оказалось въ грязныхъ рукахъ?

Вѣдь это же все равно, что говорить: соціализмъ пересталъ быть соціализмомъ послѣ того,

Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б) 9127

какъ къ нему примазались разные проходимцы и провокаторы.

Попа-мздоимца, попа-стяжателя, попа-предателя, разумѣется, должно согнать съ мѣста. Такому попу одна цѣна съ провокаторомъ. Но когда мы изгоняемъ изъ своей среды провокатора, развѣ изгоняемъ мы его за то, что онъ былъ пьяница, или плохой семьянинъ, или скряга?

Можетъ быть, онъ, этотъ провокатръ, и пьяница, и прелюбодѣй, и скряга; но, изгоняя его, развѣ это мы ставимъ ему въ вину?

Мы ему говоримъ:

— Ты предатель, ты хочешь загубить наше ученіе, поэтому мы тебя изгоняемъ.

Мы имѣемъ право говорить такъ, если мы — соціалисты, и насъ всего болѣе заботитъ чистота нашего ученія.

Но право удаленія изъ церкви, напримѣръ, во время службы неугоднаго намъ священника можетъ ли быть нашимъ правомъ?

Можетъ. Да. Но оно не можетъ быть дано намъ никакой нашей организаціей.

Вотъ если бы вы, или я, или другой кто-нибудь былъ извѣстенъ среди мірянъ, какъ истинный апостолъ Христова ученія, тогда не для чего было бы намъ къ кому бы то ни было обращаться съ просьбой:

— Позвольте намъ удалить такого-то священника.

Но, скажите, гдѣ у насъ эти апостолы?

Миряне въ томъ или другомъ приходѣ, могутъ, конечно, быть вамъ благодарны за то, что вы заставили уйти изъ ихъ прихода непріятнаго имъ попа.

Но если вы одного священника удалили, то, стало быть, на его мѣсто можете и поставить другого?

Не такъ-ли?

Вотъ этого-то права за нами никто и никогда не признаетъ. Скажу даже болѣе. Дѣйствительно, миряне скажутъ намъ спасибо, если мы

снимемъ съ мѣста плохого священника, но вообще такого права, чтобы мы могли смѣщать съ мѣстъ священниковъ, они за нами не признаютъ.

Этотъ случай со смѣщеніемъ плохого попа случаемъ такъ и останется и никогда въ обычай не войдетъ.

Разрѣшите ли вы вмѣшиваться, напримѣръ, милиціи или кому бы то ни было, въ дѣла вашей организаціи?

Думаю, что нѣтъ.

Конечно, вы скажете спасибо всякому, кто выведетъ на свѣжую воду примазавшагося къ вамъ провокатора. Но, чтобы вообще посторонніе люди смѣщали вашихъ предсѣдателей или секретарей, — развѣ вы согласитесь на это?

Въ евангеліи сказано:

Не однимъ хлѣбомъ сытъ сынъ человѣческій.

Религія, прежде всего именно — хлѣбъ духовный. Потому я говорилъ выше, что мы имѣли бы право смѣщать во всякое время всякихъ священниковъ, если бы народъ видѣлъ въ насъ истинныхъ апостоловъ Христовыхъ.

Я сомнѣваюсь даже вотъ въ чемъ. Допустимъ, есть въ какомъ-нибудь приходѣ плохой священникъ, и нужно его смѣстить. И вотъ пришли бы мы въ церковь во время службы, остановили бы службу и потребовали бы, чтобы священникъ удалился.

Какъ ни былъ бы плохъ священникъ, скажите мнѣ, пожалуйста, очень этому обрадовались бы миряне или нѣтъ?

Думаю, врядъ ли. Это ужъ можете считать ихъ, мірянъ, какъ вамъ угодно: отсталыми, невѣждами, ханжами. Но что девять десятыхъ изъ нихъ будутъ возмущены такимъ поступкомъ, это тоже вѣрно.

Можно и должно бороться съ попами, когда попы плохи, но когда вы лѣзете съ сапогами въ душу вѣрующаго человѣка, за это спасибо вамъ не скажутъ.

Иные говорятъ:

— Нужно революцію начинать и въ религіи. Я не знаю, о какой религіи говорятъ эти люди. Вѣдь христіанская религія, Христово ученіе, есть само по себѣ величайшая революція.

Но если мы станемъ стаскивать за бороды поповъ съ амвона или выволакивать ихъ изъ алтаря, то этимъ никакой революціи не произведемъ.

Назвать буржуемъ того или этого попа вы можете. Но говорить, что вообще священство есть учрежденіе буржуазное, будетъ совсѣмъ неумно.

Вѣдь тогда по всей справедливости въ буржуи вамъ пришлось бы записать огуломъ всѣхъ гражданъ, приверженныхъ религіи. А такихъ гражданъ, приверженныхъ религіи, у насъ непочатый край, цѣлые милліоны. Конечно, могутъ и милліоны заблуждаться. Такъ вотъ вы сперва и растолкуйте этимъ милліонамъ, что попы вовсе не необходимость въ христіанствѣ. А затѣмъ ужъ ихъ и устраните.

Но если вы не признаете поповъ или понимаете о нихъ такъ, что они буржуи, то для чего смѣщать одного попа и вмѣсто него ставить другого?

Или убѣждены вы, что этотъ другой попъ, оказавшись на буржуйномъ положеніи, не обуржуится ни при какихъ условіяхъ?

Проще было бы, значитъ, дѣйствительно объявить, что не нужно намъ никакихъ поповъ, а пусть православные молятся сами, какъ хотятъ.

Когда откормленный буржуй съ толстымъ брюхомъ, одѣвшись въ ризы, говоритъ намъ о христіанскомъ всемірномъ братствѣ, молится о мирѣ міра сего, не позоръ ли это?

Сейчасъ онъ молится о мирѣ міра сего, а черезъ полчаса пойдетъ играть въ карты или творить прелюбодѣяніе.

Скажите мнѣ, чѣмъ онъ лучше какого-нибудь «котелка» изъ буржуазной газеты или изъ городской управы?

Да и мало ли есть еще «котелковъ» въ другихъ мѣстахъ, въ министерствахъ, въ канцеляріяхъ, въ земствахъ, въ думахъ, среди художниковъ и артистовъ?

Что же, всѣхъ ихъ будемъ валить въ одну кучу, или, по примѣру прежняго царскаго правительства, поповъ выдѣлимъ? Вѣдь именно, призывая въ свое время къ избіенію чистой публики, царское правительство поповъ оставляло въ покоѣ. То-есть, не то, чтобы совсѣмъ въ покоѣ: попы, собственно, по порученію правительства и проповѣдывали въ церквахъ насчетъ, главнымъ образомъ избіеній.

Такъ я вотъ и спрашиваю:—поповъ-то мы тронемъ, или тоже, какъ прежніе черносотенцы, оставимъ въ покоѣ?

По-моему, лучше ужъ ихъ не трогать.

Есть вѣдь два сорта поповъ: одни хорошіе, другіе дурные.

Хорошихъ, конечно, меньше, и я думаю, что этихъ хорошихъ даже не такъ трудно пересчитать по пальцамъ.

О хорошемъ попѣ я разсуждаю такъ.—Онъ прежде всего долженъ быть христіаниномъ. А всякій исповѣдующій истинное ученіе Христово, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый истинный соціалистъ.

Если на-слово мнѣ не вѣрите, то прочтите евангеліе.

Воздвигая гоненіе противъ поповъ, мы за одинъ махъ случайно какъ-нибудь можемъ вмѣстѣ съ плохими смести и хорошихъ.

И тогда эти хорошіе попы скажутъ намъ:

— Какіе же вы соціалисты, если не узнаете своихъ?

Вы скажете, пожалуй:

— Насчетъ соціалистовъ-поповъ мы не можемъ ошибиться и ихъ не тронемъ.

Хорошо. Не тронемъ. Позовемъ къ себѣ. А они станутъ говорить:

— Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ Богъ, и Богъ бѣ слово.

То-есть это значитъ: свобода слова есть бо-

жественное учрежденіе, и потому именно евангелистъ Іоаннъ и называетъ слово Богомъ.

— Слово,—скажутъ эти хорошіе попы,—должно быть свободнымъ.

А вѣдь вы же каждому неугодному вамъ оратору кричите: «долой».

Но ихъ, хорошихъ поповъ, впрочемъ, повторяю, очень мало. Дурныхъ поповъ больше. Съ дурными, однако, можетъ выйти и еще хуже.

Возьмутъ да забастуютъ. Или станутъ говорить такія проповѣди въ церквахъ: «Соціалисты хотятъ, должно быть, чтобы православные обходились безъ требъ и обѣденъ».

Что тогда изъ этого выйдетъ?

По-моему, очень нехорошо выйдетъ.

Такъ что, хотя между поповъ есть много лежебоковъ и самыхъ подлинныхъ тунеядцевъ и буржуевъ, ихъ лучше не трогать.

Но если мы поповъ оставимъ въ покоѣ, то развѣ не можетъ случиться вотъ чего: всѣ остальные «котелки» возьмутъ да тоже и уйдутъ въ попы?

Напримѣръ, старообрядцы будутъ даже очень рады, если попами къ нимъ поступятъ, скажемъ, хотя бы тѣ же «котелки» изъ писателей.

Въ православные священники, конечно, примутъ не всякаго. А старообрядцы отчего же? И очень даже примутъ. Вѣдь при старомъ царскомъ правительствѣ уходили же въ старообрядческіе попы православные священники.

Да не какіе-нибудь подлизы, а вотъ именно самые непокорливые, которыхъ царское правительство особенно жестоко преслѣдовало.

И вѣдь, глядите, какія тогда проповѣди станутъ говорить эти бывшіе писатели... Имъ вѣдь не привыкать стать. Это вѣдь не попъ какой-нибудь, который при царѣ за царя распинался, а какъ согнали царя, сталъ распинаться за республику.

А писатель какъ при царѣ кричалъ, давай свободу совѣсти и слова, такъ кричитъ и теперь. И

такъ же и о томъ же самомъ будетъ кричать, и сдѣлавшись попомъ.

А уйдутъ въ попы писатели, сейчасъ же за ними слѣдомъ уйдутъ и разные чиновники, управскіе служащіе, земгорцы... А не хватитъ мѣстъ и приходовъ, поступятъ въ монахи.

И будетъ Россія какъ при татарскомъ нашествіи. Тогда, знаете, вѣдь много народу ушло въ монастыри. Татары, нужно сказать, тогда еще не были мусульманами, и монастыри разорять считалось у нихъ недостойнымъ порядочнаго воина.

Они хоть и азіаты были, а свободу совѣсти признавали.

Не признаетъ свободы совѣсти только одно мусульманство и даже вмѣняетъ въ обязанность магометанамъ истреблять всѣхъ людей, которые думаютъ не такъ, какъ сами магометане.

Да вамъ объ этомъ говорить много нечего: поди, небось, сами все досконально знаете.

Разъ уже заговорили про магометанъ, то надо подумать еще и вотъ о чемъ: а какъ же быть съ инородцами? Хоть, напримѣръ, съ тѣми же магометанами. Развѣ ихъ мало у насъ. Однихъ татаръ сколько?

Вѣдь муллы ихніе, поди, тоже буржуи?

Или нѣтъ?

По-моему, буржуи.

А еврейскіе раввины?

Надо ужъ, чтобы никому не было обидно. Или не трогать никого, правда,—ни своихъ поповъ, ни чужихъ?

Покамѣстъ объ этомъ оставимъ. А хочу я вотъ что еще спросить:

Какъ быть съ нищими? Вѣдь у иного нищаго въ банкѣ тысячи лежатъ. Развѣ не такъ? Развѣ такихъ разсказовъ вамъ никогда слыхать не приходилось?

У бывалаго человѣка, какого-нибудь городского старожила, спросите

— Бываетъ это?

Обязательно отвѣтитъ:

— Бываетъ.

Такъ вотъ, какъ быть съ этими нищими капиталисты они или нѣтъ?

Вы скажете:

— Ну, этихъ много ли?

Ахъ, господа, ну, а среди канцелярскихъ чиновниковъ, писателей, управскихъ чиновниковъ и другихъ подобныхъ,—скажите мнѣ по совѣсти,— много ли среди нихъ капиталистовъ?

Писатели, напримѣръ, наши, даже и изъ очень видныхъ, и жили, и дни свои кончили почти въ нищетѣ; а насчетъ чиновниковъ самое лучшее справьтесь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они служатъ,— много ли имъ платятъ? И тоже много ли капиталистовъ среди врачей, адвокатовъ, учителей? Конечно, между адвокатами и докторами есть люди состоятельные. Такъ вѣдь сами же они на себя работаютъ, а не мы съ вами. Вѣрнѣе даже—они на насъ работаютъ, какъ въ свою очередь мы работаемъ на нихъ.

Развѣ не правда?

А вѣдь эта чистая публика изъ кого же и не состоитъ, какъ не изъ писателей, докторовъ, чиновниковъ, адвокатовъ, художниковъ, музыкантовъ.

Такъ, по-вашему, это все буржуи?

Вотъ попы—буржуи, это я согласенъ. Только опять-таки не всѣ попы. Да и сами это вы хорошо знаете, что не всѣ.

Но кто ихъ сдѣлалъ буржуями, какъ не мы сами?

Согласны? Вѣдь это мы ихъ откармливаемъ. Вспомните, напримѣръ, какъ бѣгали и простой народъ, и чистая публика за Іоанномъ Кронштадтскимъ. Чистой публики, той, которую теперь окрестили «котелками», правда, за кронштадтскимъ буржуемъ бѣгало меньше. Купечества же и простого народа кругомъ него всегда было достаточно.

Вы скажете:

— Это все отъ того, что народъ нашъ темный, неученый.

Вотъ про это самое и я говорю: про то, что мы темны и неучены.

Я съ этой книжкой и обращаюсь къ самымъ темнымъ и неученымъ. Мало ли, въ самомъ дѣлѣ, у насъ теперь людей, которые про себя говорятъ:

— Мы — пролетаріи, мы — демократы, мы — соціалисты.

А спросите у нихъ: что такое соціализмъ,— что они вамъ отвѣтятъ? Ничего. Такъ-таки ровно ничего.

Будьте честны и откровенны

Развѣ не правду я говорю?

Если бы я заблуждался на этотъ счетъ, если бы хоть половина изъ насъ была не темный народъ, чего намъ тогда было бы бояться возвращенія старыхъ порядковъ, царскаго режима, контръ-революціи?

Провокаторы, охранники, бывшіе городовые не страшны сами по себѣ. Они сильны только темнотой нашей.

Въ чемъ наша слабость, въ томъ ихъ сила.

Поэтому вѣдь и держало въ темнотѣ насъ прежнее царское правительство.

Поэтому и натравливало оно разныхъ проходимцевъ на «котелковъ», на студентовъ, на интеллигенцію, на всѣхъ вообще образованныхъ людей.

Что же вы думаете, теперь-то, при новомъ правительствѣ намъ безъ образованныхъ людей будетъ лучше? Не нужно теперь, что-ли, намъ ни докторовъ, ни адвокатовъ, ни учителей, ни писателей, ни ученыхъ?

Царскому правительству дѣйствительно была нужна наша темнота. А новому, стало быть, она тоже нужна, эта темнота?

Нужна она, конечно, кому-то, только не правительству...

Или, можетъ быть, вы скажете: а на кой намъ дались эти ваши доктора, и сочинители, и жи-

вописцы, инженеры? Пусть дѣлаютъ свое дѣло, а въ политику не лѣзутъ. Пусть лѣчатъ, строятъ дороги, марающъ бумагу и холстъ, а политика это не ихняго ума дѣло.

Но вѣдь совершенно то же самое, слово-въ-слово, буква-въ-букву говорили и прежніе царскіе прислужники.

Когда черносотенцы избивали «чистую публику», они тоже кричали:

— Котелки, не лѣзь въ политику!

Они кричали это, потому что политика, которой держались «котелки», была противъ царя. А теперь развѣ «котелки» требуютъ царя? Для чего? Чтобы царь опять выпустилъ на нихъ черносотенцевъ, городовыхъ и разныхъ другихъ своихъ прихвостней?

Я не знаю, гуляла ли по вашей спинѣ резиновая палка, а по моей спинѣ гуляла. Съ меня довольно.

Или, можетъ быть, «котелки» не настоящіе буржуи, а, такъ сказать, полубуржуи, прислужники буржуазіи? Такъ на это я вамъ вотъ что скажу.

Предположимъ, что я вотъ сочинитель. Ежели я хорошій сочинитель, то плевать мнѣ на вашихъ капиталистовъ. Развѣ одни только капиталисты любятъ интересныя повѣсти, или какія-нибудь научныя статьи? Поди, и повѣсти, и научныя статьи каждому нужны. Ежели же я сочинитель плохой, не пишу, а лапти плету, то лижи я хоть пятки капиталисту, умнѣе отъ этого и талантливѣе не стану. То же и докторъ, и адвокатъ, и учитель. Дуракъ такъ дуракомъ и останется. Скажите, пожалуйста, возьмете вы писать образа въ церкви кого-нибудь, кто и дуги покрасить не умѣетъ. Думаю, что валяйся онъ у васъ каждый день по два часа въ ногахъ, все равно онъ ничего не вымолитъ.

Когда мой трудъ не одному только буржую, а всѣмъ людямъ нуженъ, какъ могу я зависѣть отъ одного только буржуя?

Возьмите въ примѣръ хоть кустаря.

Допустимъ, кустарь работаетъ гдѣ-нибудь, гдѣ нѣтъ фабрикъ. Отъ кого онъ зависитъ? Отъ буржуя?

Нѣтъ, отъ всего населенія.

Я, если я писатель, или декторъ, или художникъ, или адвокатъ,—такой же кустарь.

Еще, видите ли, нѣтъ такихъ фабрикъ, гдѣ повѣсти и другія сочиненія сочинялись бы машинами и гдѣ машины лѣчили бы людей, говорили бы на судѣ вмѣсто адвокатовъ, писали бы картины вмѣсто художниковъ.

Думаю, что это само собой ясно.

Или, по-вашему, можетъ, я оттого именно и буржуй, что ни отъ кого не завишу?

Но слушайте, соціализмъ именно того и хочетъ, чтобы никто ни отъ кого не зависѣлъ.

Про то, что, напримѣръ, буржуй чуть-что не въ ногахъ валялся у доктора, прося его поѣхать къ больному,—такіе случаи я знаю. А вотъ насчетъ обратнаго мнѣ что-то не помнится.

Царь мнѣ не нуженъ, но не нуженъ и буржуй. Отъ царя мнѣ до сихъ поръ было только жарко, а отъ буржуя ни тепло, ни холодно. Конечно, и я нахожусь въ зависимости отъ того, какъ обстоятъ разныя государственныя дѣла, общее народное хозяйство. Но это ужъ совсѣмъ другой разговоръ.

Всѣ голодаютъ, и я голодаю. И въ этомъ отношеніи, значитъ, меня никакъ нельзя приравнять къ буржую.

Ну, и вотъ теперь отвѣтьте мнѣ:

Откуда же эти крики, что котелки начинаютъ носъ задирать, и нужно «котелковъ» попридержать?

И что это значитъ «попридержать»?

Сослать, что-ль, въ Енисейскую губернію? Найти зачинщиковъ? Можетъ, вы и сами кричали гдѣ-нибудь вслѣдъ за другими:

— Котелки, потише!

То-есть, какъ же это потише? Умолкнуть?

Но вѣдь иные же, напримѣръ, могутъ даже бастовать сколько угодно. А «котелкамъ» можно? Нѣтъ? Ну, вотъ видите, опять какъ при царскомъ правительствѣ—даже и забастовки воспрещаются.

Скажите мнѣ: приходила ли вамъ когда-нибудь въ голову мысль, что могутъ, напримѣръ, забастовать доктора? Думаю, что нѣтъ. Такой подлости вы не признаете. Несомнѣнно, подобная забастовка была бы величайшей подлостью. Но вѣдь это вы такъ смотрите, что забастовка докторовъ есть подлость. И такъ же на это дѣло буду смотрѣть и я, и всякій другой. А вотъ, напримѣръ, могильщики и гробовщики такой забастовкѣ, должно быть, были бы обязаны своимъ благополучіемъ. И если бы забастовали сочинители, ученые, инженеры, то намъ съ вами, конечно, это было бы очень непріятно, а, напримѣръ, прихвостнямъ царскаго правительства, наоборотъ, очень пріятно.

Вы скажете, пожалуй:

— Только буржую могло бы притти въ голову устроить назло пролетаріату такую забастовку.

Буржую? А развѣ не было у насъ разговоровъ, чтобы забастовать водопроводу и дровяникамъ? Скажите, въ чьей головѣ могла родиться эта мысль,—лишить населеніе въ крещенскіе морозы дровъ и оставить безъ пищи и питія?

Развѣ отъ такой забастовки не нажились бы тоже гробовщики и могильщики?

Думаю, и очень нажились бы.

Согласитесь: вѣдь это дѣйствительно же одно и то же. Между тѣмъ вотъ о забастовкѣ дровяниковъ и водопровода мы говоримъ, какъ о вещи, вполнѣ возможной, забастовка же докторовъ, адвокатовъ, инженеровъ, учителей, писателей представляется намъ чѣмъ-то, о чемъ и рѣчи даже быть не можетъ.

Почему?

Вѣдь это же все «котелки»,—эти всѣ доктора, инженеры и проч. Развѣ на нихъ можно положиться?

А вотъ, видите, и можно. И знаете, почему можно? Потому что такая забастовка только помогла бы могильщикамъ, въ томъ числѣ и прихвостнямъ бывшаго царскаго правительства.

Ибо не правда развѣ, что эти прихвостни—истинные гробовщики и могильщики.

Нѣтъ, «могильщиковъ» пусть ужъ другой кто-нибудь организуетъ и поддерживаетъ. «Могильщики» намъ не нужны. Ихъ дѣло—смерть, наше дѣло—жизнь.

Наше дѣло—ясное, свѣтлое будущее. Вотъ насчетъ этого будущаго я и хочу сейчасъ поговорить.

Теперь вѣдь многіе судятъ и рядятъ: а что будетъ черезъ мѣсяцъ, а что будетъ черезъ годъ?

Я такъ далеко не хватаю. Я хочу только спросить:

— А не знаете ли вы хоть приблизительно, кого завтра въ газетахъ объявятъ провокаторомъ?

Бываетъ нынче, вотъ какъ старается человѣкъ, до хрипоты, до колики. Задыхается, а кричитъ:

— Котелки зашевелились, опасайтесь, товарищи, котелковъ!

А товарищи и рады.

Помню, какъ на одномъ митингѣ какой-то, должно быть, бывшій городовой, слушалъ-слушалъ про «котелковъ» да, должно быть, забывшись, вдругъ какъ гаркнетъ:

— Ос-сади назадъ!

Такъ я вотъ и хочу сказать. Старается, старается такой ораторъ-старатель, а черезъ день, глядишь, волокутъ раба Божьяго въ Каменщики. За что? Очень просто за что—провокаторъ.

И вотъ что удивительно. Перецапали этихъ орателей-старателей—нѣтъ числа, а они все новые наползаютъ. То тамъ объявится, то тутъ.

А мы слушаемъ да покрикиваемъ:

— Очень хорошо!

Погодите, еще не то услышимъ. Есть у насъ пословица: безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море.

А мы, должно быть, скоро станемъ говорить:

— Безъ провокатора намъ никакъ невозможно.

И коротко, и ясно.

И вѣдь, кажется, дѣйствительно, что никакъ невозможно. Онъ, провокаторъ, нынче сталъ у насъ именно вмѣсто Бога. Совсѣмъ-таки Спаситель. А то какъ же?

Вѣдь ужъ это давнымъ-давно сказано и всѣмъ извѣстно, что Спаситель проповѣдывалъ самый настоящій, самый истинный соціализмъ. А провокаторъ кричитъ:

— Нѣтъ, это что за соціализмъ! Соціализмъ—это когда бьютъ интеллигенцію.

Здорово?

Да ужъ чего здоровѣе. А Спаситель—буржуй. И это тоже здорово.

Вали, не оглядывайся.

Въ Писаніи сказано:

— Не сотвори себѣ кумира...

Такъ это насъ не касается. Намъ тоже и безъ кумира никакъ невозможно. Вѣдь мѣсто освободилось—царскій тронъ. Какъ же ему пустовать? Надо же на старую божничку новую икону поставить. А гдѣ ее взять?

Гдѣ? А чудеса-то на что? Сама станетъ.

Явленная. Именно, что явленная: изъ охраннаго отдѣленія провокаторъ. И сіяніе отъ него, и гласъ:

— Бей интеллигенцію!

А мы крестимся. Поемъ:

— Аллилуія.

Не правда, что-ль? Говорятъ, откуда-то у нихъ, у этихъ явленныхъ ужъ и деньги появились. Кто далъ? Раньше давало царское правительство, а Бурцевъ вонъ говоритъ, что и нѣмецкое правительство давало. Вы знаете, кто такой Бурцевъ? Прежнее царское правительство опредѣлило его сослать на каторгу, да онъ сбѣжалъ за границу. И тамъ, за границей, тѣмъ только и занимался, что выводилъ на свѣжую воду русскихъ провокаторовъ. Онъ вотъ и говоритъ: доподлин

но ему извѣстно, что нѣмецкое правительство платитъ деньги русскимъ провокаторамъ.

Или, можетъ быть, по-вашему, и нѣмецкій царь тоже богъ и трогать его не полагается? А Бурцевъ—«котелокъ»? Такъ вы ужъ тогда прямо такъ и гоните: всѣ бывшіе политическіе есть котелки и буржуи. Знаете, къ тому вѣдь идетъ. Вотъ послушайте, что возглашаетъ эта ваша явленная икона. Она возглашаетъ:

«Благо народа требуетъ гоненія противъ интеллигенціи».

Истинное новое Благовѣщеніе. Водили насъ раньше въ участокъ архангелы. И теперь, значитъ, опять спустились съ небесныхъ круговъ.

А мы, пошехонцы, что-ль, правда? Вѣдь это пошехонцы, такъ тѣ, пожалуй, городового не отличили бы отъ ангела. Или и намъ тоже все едино?

Что? Поди, небось, не нравится? А если не нравится свой городовой, такъ нѣмецкій, что-ль, лучше? Или этотъ нѣмецкій городовой—пролетарій, а нашъ нѣтъ? Вотъ это ловко! А по-моему, одна цѣна и тому, и другому.

Или, по-вашему, и Керенскій буржуй? Онъ, вѣдь, Керенскій, сказалъ, что въ Россіи сейчасъ шпіоновъ нѣмецкихъ, какъ таракановъ на печи.

Что-жъ, валите и Керенскаго въ одну кучу, и Бурцева, и Плеханова, и Кропоткина, да чтобы ужъ никому обидно не было, и Брешковскую, и другихъ.

А, можетъ, правда, провокаторамъ денегъ дали буржуи? Не «котелки», а настоящіе буржуи, капиталисты. Вотъ, вотъ, именно такъ. И потому провокаторы и кричатъ:

— Бей буржуевъ!

Очень это имъ, конечно, капиталистамъ, на-руку, чтобы ихъ за свои же собственныя деньги еще и поколотили какъ слѣдуетъ.

У капиталистовъ деньги мы должны взять—это вѣрно. Но чтобы они объ этомъ сами упрашивали да еще за это особо деньги платили, знаете, съ

трудомъ что-то вѣрится. Или, можетъ, я ошибаюсь?

Можетъ, и то, правда, станутъ капиталисты на колѣнки и будутъ молить:

— Явите божескую милость, намните намъ бока и отберите наши капиталы.

Думаю, ни намъ этого они не скажутъ, ни провокаторамъ.

Опять скажу: покамѣстъ мы не дошли совсѣмъ до ручки, нужно взять деньги у того, кто ихъ нашими трудами нажилъ. Такъ вѣдь не погромы же устраивать.

Или громить? Тоже и это придумано недурно. А погромщики будутъ провокаторы. Вѣрно. Потомъ ихъ и ищи—свищи. Или, можетъ, вы думаете, они, провокаторы, чинно-благородно денежки у капиталистовъ заберутъ и въ казну представятъ.

Всѣ до копѣечки. Дескать:

— Для блага отечества старались.

Конечно, чужая душа потемки. А я бы все-таки поопасался. Вѣдь и то правда: кто его знаетъ, погромщика, что у него на умѣ: въ казну ли онъ понесетъ деньги или махнетъ съ ними за границу?

Въ Германію, напримѣръ. Или это мѣсто свято есть, то-есть Германія? Вродѣ алтаря? Такъ вѣдь обѣдню-то въ этомъ алтарѣ пока служитъ Вильгельмъ со своими приспѣшниками. Хорошъ, нечего сказать, храмъ Божій!

А вѣдь провокатору что ни попъ—то батька. Нашъ ли, германскій ли,—ему все одно.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)